

ХИЖИНА ЗАБВЕНИЯ

Анатолий Лытнев

Хижина Забвения

«Автор»

2026

Лытнев А.

Хижина Забвения / А. Лытнев — «Автор», 2026

Писатель Алекс Рейвенвуд, уставший от творческого кризиса и болезненного развода, решает уединиться в старой лесной хижине, чтобы наконец закончить новую книгу. Метель отрезает его от мира: ни связи, ни дороги назад, больше ста километров до ближайшего города. Поначалу всё идеально — тишина, снег, одиночество. Но постепенно хижина начинает жить своей жизнью. Странные стуки ночью, тени за окном, ощущение чужого взгляда. В зеркале отражение иногда ведёт себя странно — на долю секунды опережает движения хозяина. А на суку ближайшей ели день за днём сидит одна и та же ворона и смотрит прямо в окно. Алекс всегда был суеверен, несмотря на внешний цинизм. И чем дольше он остаётся один, тем сильнее уверенность: в этих стенах проснулось что-то древнее. Что-то, что не хочет его отпускать. Психологический триллер о тонкой грани между реальностью и безумием, где каждый шорох в лесу может быть предупреждением, а разум способен создать самых страшных монстров.

© Лытнев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 : Прибытие	6
Глава 2 : Первая ночь	8
Глава 3 : Буря начинается	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Анатолий Лытнев

Хижина Забвения

Глава 1 : Прибытие

Старый пикап Форд движется по заснеженной дороге. За рулём – Алекс Рейвенвуд. Двигатель кашляет, фары выхватывают из темноты только узкую полосу снега и чёрные силуэты елей по обочинам. Метель началась ещё на шоссе, а здесь, в глубине леса, она уже превратилась в сплошную белую стену. Стеклоочистители работают на пределе, оставляя за собой тонкие полосы чистого стекла, которые тут же затягивает снегом.

Снег валил так густо, что дворники старого пикапа едва справлялись. Он ехал уже третий час по узкой лесной дороге, которая, судя по карте на телефоне, давно должна была закончиться. Сигнал пропал ещё на подъезде к горам – теперь в верхнем углу экрана болталась одинокая надпись “Нет сети”.

Его Форд, производства начала девяностых, доставшийся ему после развода вместе с половиной долгов, скрипел и стонал на каждой кочке. В салоне пахло старой кожей, бензином и мокрыми тряпками. На пассажирском сиденье лежал рюкзак с ноутбуком, пачкой кофе и двумя бутылками бурбона – всё, что, по его мнению, нужно писателю, чтобы переродиться.

Алекс Рейвенвуд, сорок один год, писатель, чьи последние три книги провалились, а брак развалился год назад, сжимает руль так, что костяшки белеют. Он не курит уже три года, но сейчас жалеет, что бросил – сигарета помогла бы успокоить нервы.

– Ещё немного, – бормочет он сам себе. – Ещё немного, и будет тишина.

Он повторяет это уже третий час, с тех пор как свернул с асфальта на грунтовку. Дорога петляет между деревьями, то поднимается, то проваливается в ямы, заполненные снегом. Пикап рычит, буксует, но ползёт вперёд. Алекс знает: если застрянет здесь, никто не найдёт его до весны.

Он включил радио. Сначала поймал обрывки кантри-песни, потом только шипение и далёкие голоса, будто кто-то шепчет из-под снега. Выключил. Тишина была лучше.

В зеркале заднего вида мелькнула чёрная тень – то ли ворона пролетела над дорогой, то ли просто ветка качнулась в свете фар. Он не придал значения.

Дорога сузилась до двух колеи, по бокам встали стены елей, тяжёлые от снега. Фары выхватывали только белое полотно впереди и чёрные стволы по краям. Сбросил скорость – пикап начало заносить.

И тогда он увидел дерево.

Огромная сосна лежала поперёк дороги, вывороченная с корнем. Свежий разлом блестел белым. Видимо, буря, о которой предупреждали в последнем городке, добралась сюда раньше него.

Алекс глушит двигатель. Тишина обрушивается мгновенно, такая густая, что в ушах звенит.

Он, ругаясь под нос, выходит из машины. Холод пробирает до костей, ветер хлещет снегом по лицу. Дыхание превращается в облако пара. Алекс достаёт фонарик из бардачка, закидывает рюкзак на плечо и тащит сумку с продуктами. Пикап остаётся на обочине – проехать ведь нельзя.

До хижины – всего пара километров, небольшая дистанция, но в такую погоду она займёт гораздо больше времени. Повернуть обратно не решился. Он всегда говорил: “нельзя бросать дело, когда оно почти завершено”.

Он запер пикап, хотя смешно было думать, что кто-то здесь его угонит. Снег уже начал замечать следы шин.

Дорога была прямая, заблудиться не получиться. Он идёт пешком, проваливаясь по колено. Каждый шаг – как борьба с самой природой. Первые двести метров шли легко. Потом рюкзак стал тяжелее, снег – глубже.

Лес жил: сильный ветер гнул кроны старых елей, слышался треск древесины, ветки тёрлись друг об друга, создавая постоянный шум.

Алекс не заметил, как начало темнеть. Зимний день короткий, а в горах – ещё короче. Фонарик светил слабо, но хватало что-бы разглядеть дорогу. Из-за погоды и темноты у него возникает странное чувство, будто сотни глаз одновременно, и в тоже время в разную, смотрят на него. Он пытается осветить лес вокруг себя: свет достаёт только до первых деревьев, за ними – тьма.

Он ускоряет шаг.

Наконец впереди возникает просвет – небольшая поляна, заваленная сугробами, и тёмный силуэт хижины. Хижина стояла перед ним: двухэтажная, деревянная, с покатой крышей, заваленной снегом. Окна светились – видимо, Грейвс оставил свет для съёмщика, как и обещал в переписке. Рядом – старый сарай, почти утонувший в снегу.

Когда добрался до крыльца, ноги уже онемели.

Ключ, который Грейвс дал ему, поворачивается с трудом – замок заржавел. Дверь скрипит, открываясь в тёмный коридор. Он вошёл, стряхнул снег с ботинок и закрыл дверь за собой.

Тишина внутри была другой – густой, тёплой, почти осязаемой.

Внутри пахнет сыростью, старым деревом и чем-то металлическим. Половицы прогибаются под ногами. Он проходит в главную комнату: камин, стол, стул, комод у окна, диван в углу, большое зеркало в деревянной раме на стене.

В камине дрова уже были сложены, осталось только поджечь. На кухонном столе лежала записка.

Алекс развернул её, грея руки над огнём, который только начинал разгораться.

“Арендатору: Печка старая, но работает. Если запахнет дымом – проветривайте. Лес здесь тихий, но не ходите далеко – легко заблудиться. Ворона на суку часто сидит, не обращайтесь внимания, она просто ждёт обедков.

Грейвс, октябрь 2024”

Алекс подходит к зеркалу. Смотрит на своё отражение: усталые глаза, трёхдневная щетина, волосы, мокрые от снега. Отражение смотрит в ответ. Кажется, что на долю секунды оно моргнуло позже, чем он. Или раньше?

Алекс трясёт головой. Всё проходит. Усталость. Просто усталость.

Он отходит к окну. Шторка тяжёлая, пыльная. Тянет её в сторону – и замирает.

На суку ближайшей ели сидит ворона. Чёрная, крупная, неподвижная. Глаза-бусинки смотрят прямо на него. Не мигает. Не каркает. Просто смотрит.

Алекс чувствует, как по спине пробегает холод – не от страха, а от чего-то другого.

Он отводит взгляд, отпускает шторку. Ворона остаётся там, за стеклом. Наблюдает.

Он добавил ещё дров в камин, поставил чайник и впервые за многие месяцы почувствовал что-то похожее на покой.

Не знал ещё, что покой этот – только затишье перед тем, как начнёт смотреть кто-то другой.

И что смотреть он будет не отрываясь.

Он садится за стол, достаёт ноутбук. Батарея заряжена на 93 процента. Связи нет – телефон показывает “Нет сигнала”.

Алекс открывает документ. Пальцы замирают над клавиатурой.

Он не знает, что напишет.

Но знает, что начнёт именно здесь.

Глава 2 : Первая ночь

Алекс проснулся от тишины.

Не от света, не от холода, не от скрипа дома – именно от тишины. Она была такой полной, что уши заложило, как в самолёте. За окном не было ни ветра, ни снега, ни даже далёкого шороха леса. Только белое свечение – луна отражалась от сугробов и заливала комнату бледным светом.

Часы на телефоне показывали 3:14. Он не помнил, как лёг. Помнил только, что допил чай, подбросил дров в камин и сел за ноутбук. Экран всё ещё был включён – пустая страница Ворда с мигающим курсором. Ни одного слова.

Встал, потянулся. Половицы скрипнули под ногами, и звук показался слишком громким в этой вымершей тишине.

Сколько он спал? Час? Три? Телефон показывает 03:17. Сигнала по-прежнему нет.

Он проходит на кухню, садится на стул у двери, трет лицо ладонями. Голова тяжёлая, как после похмелья, хотя он не пил уже неделю. В горле сухо. Он встаёт, идёт к столу – там бутылка воды из сумки. Пьёт жадно, будто у него её вот-вот вырвут с рук.

Камин почти прогорел. Угли краснеют слабо, но тепла уже нет. Комната остыла. Дыхание выходит облачками пара. Он подбросил два полена из корзины у очага. Дерево было сухим, сразу затрещало. Жар лизнул кору, и комната ожила.

Только тогда он осмотрелся по-настоящему.

Хижина была старой, но не запущенной – скорее, уставшей. Мебель тяжёлая, тёмного дерева: стол, пара стульев, диван с выцветшей обивкой. На стенах – несколько выцветших фотографий в рамках: лес, река, люди в одежде семидесятых. Никто не улыбался. Над камином висели часы с маятником – старинные, с кукушкой. Стрелки замерли на 12:47. Маятник не двигался.

В углу гостиной стояло то самое зеркало – высокое, в потрескавшейся деревянной раме. Писатель подошёл ближе. Стекло было мутным, с тёмными пятнами по краям. Отражение казалось чуть размытым, как будто под водой. Он провёл рукой по лицу – щетина трёхдневная, глаза красные. Усталый. Разбитый.

Он отвернулся и пошёл на второй этаж – там была спальня.

Лестница скрипела на каждой ступени, будто жаловалась на его вес. Наверху – одна большая комната с двуспальной кроватью, шкафом и маленьким окном под потолком. Постель была заправлена, одеяло старое, но чистое. Алекс разделся до термобелья, залез под одеяло. Холод пробирал до костей, но тело быстро согрелось.

Заснуть не получалось.

Лежал и смотрел в потолок. Балки были тёмными от времени, с паутиной в углах. Где-то в стене что-то тихо скрипело – то ли трубы остывали, то ли мышцы шебуршат. Он закрыл глаза.

И тогда услышал стук.

Тихий. Раз. Два. Три.

Будто кто-то аккуратно постучал где-то на первом этаже.

Он замер.

Стук повторился – те же три удара, с теми же паузами.

Сердце заколотилось. Алекс сел в кровати. Дом был отрезан от мира, ближайший сосед – в двадцати милях. Кто мог стучать в три часа ночи?

Он встал, подошёл к окну спальни. Оно выходило на фасад. Снег лежал нетронутый – ни следов, ни света фар. Только луна и лес.

Стук не повторялся.

Спустился вниз, взял топор у корзины у камина – на всякий случай. Он подходит к двери. Сердце колотится. Рука тянется к засова – старому, железному. Он прислушивается.

Ничего. Только камин трещит.

Алекс отодвигает засов. Тянет дверь на себя.

Снаружи – снег и тьма. Метель утихла, но небо затянуто низкими тучами. Ни луны, ни звёзд.

Холод ворвался сразу. Поляна перед хижинкой была пустой. Следов никаких. Даже его вчерашние уже почти замело.

Алекс постоял минуту, вглядываясь в темноту между деревьями. Ничего.

Закрыв дверь, задвинул засов. Положил топор обратно.

“Ветер,” – сказал он вслух. Голос прозвучал хрипло и чуждо.

Но внутри уже шевельнулось что-то знакомое – старое, суеверное. То, что он всегда прятал под цинизмом и шутками.

Вернулся в гостиную. Взгляд упал на окно.

На голом суку ближайшей ели сидела ворона. Крупная, чёрная, блестящая. Она смотрела прямо на него. Голова чуть наклонена. Не шевелилась.

Алекс подошёл ближе к стеклу. Лунный свет падал между ними, и она не моргала. Просто смотрела.

Алекс постучал пальцем по стеклу. Ворона не шелохнулась.

– Что тебе надо? – спросил он тихо.

Она продолжала смотреть.

Опустил штору – старую, пыльную ткань в мелкий цветочек. Вернулся к камину, сел на диван. Пламя уже разгорелось, тепло пошло по комнате.

На столе лежала ещё одна записка – не заметил её вчера. Маленький листок, сложенный пополам, под кофейной кружкой.

Развернул.

“Если услышите стук и скрежет по ночам – не пугайтесь. Это всего лишь старый дом оседает. Или от холода сжимается. Спокойной ночи. Грейвс”

Он посмотрел на камин. Красные языки пламени отражались у него в глазах

Подбросил ещё одно полено, лёг на диван, укрылся пледом. Заснуть удалось только под утро, когда за окном начало светлеть.

Последнее, что он помню перед сном – ощущение, что кто-то всё ещё смотрит.

Даже сквозь закрытую штору.

Глава 3 : Буря начинается

Утро пришло серое и тяжёлое, как мокрый свинец.

Алекс открыл глаза на диване – шея затекла, плед сполз на пол. Он смотрит на низкий потолок, по которому ползут серые тени от камина – огонь он подкармливал не сильно. В комнате уже холодно, дыхание висит в воздухе белым облаком. За окном снег опять валил стеной – горизонтальные хлопья хлестали по стёклам, ветер выл в щелях досок. Тропинка, поляна, лес – всё утонуло в белом. Его пикап, наверное, уже под сугробом в паре километров отсюда.

Он встаёт, потягивается. Суставы хрустят. Голова болит несильно, но упорно, в висках пульсирует. “Высота, наверное,” – думает он. Или недосып. Или просто возраст. Телефон на столе показывает 9:22. Батарея на 76%. Сигнала по-прежнему нет. Попробовал Wi-Fi... и на что он рассчитывал?. Хижина была как остров в океане снега.

Размялся. На кухне решил сварить кофе на газовой плитке – она зажглась с первого раза, но пламя было жёлтым, а не синим. Газовый баллон пропускал, воняло, и Алекс открыл форточку. Холод ворвался, как пощёчина.

Пока кофе вскипал в турке, он вышел на крыльцо. Снег был по колено. Ветер толкал в грудь, он щурился. Поляна превратилась в море белого снега. Ни следов, ни деревьев вдали – только ворона. Та же. Сидит на том же суку, покрытая тонким слоем снега. Голова чуть наклонена. Не шевелится. Чёрные глаза-бусинки сверкают сквозь метель. Она смотрела на него.

Он смотрит на неё минуту, две. Птица не моргает.

– Эй, чего тебе?, – крикнул он, но голос утонул в ветре. Ворона не шелохнулась.

Алекс вернулся внутрь, запер дверь. “Просто ждёт обедков”, – вспомнил записку Грейвса. Под окном нашёл пачку чипсов из рюкзака, высыпал на крыльцо. Пусть жрёт. Разжигает камин заново. Дрова сухие, огонь берётся быстро. В комнате становится теплее.

Пока кофе закипает, он осматривает хижину при дневном свете.

Комната одна, большая. Диван, стол, два стула, шкаф с треснувшей дверцей. Полки вдоль стены – пустые, кроме пары пыльных банок и старого журнала десятилетней давности. Под столом – коробка с инструментами. В углу – дверь в маленькую пристройку, где туалет и раковина. Вода из колодца, насос ручной.

На полу, у порога, лежит что-то белое.

Алекс приседает. Лист бумаги, сложенный пополам. Обычный, из тетрадки. Он его вчера не видел.

Разворачивает.

Чёрными чернилами, печатными буквами:

УХОДИ, ПОКА НЕ ПОЗДНО.

Он перечитывает два раза. Сердце стучит чуть быстрее.

Поворачивает лист – с обратной стороны пусто.

Алекс идёт к двери, открывает. Снег на крыльце нетронутый, кроме его собственных следов. Ни одного чужого отпечатка. Ветер мог замести? А когда снег пошёл?

Он возвращается, кладёт записку на стол. Смотрит на неё.

Не понимает, откуда она?

Но внутри уже шевельнулась вера. Любопытство, интерес. Суеверный интерес.

Он с ним с очень давнего времени. Но сейчас у него нет настроения на это.

Сейчас – работа. Алекс вытащил ноутбук, сел за стол. Экран засветился: пустая страница. Курсор мигал, как глаз. Идея была лишь в образе.

Он знал о чем писать, но пальцы не слушались. Вместо сюжета лезли воспоминания. Сара. Их последний разговор. “Ты живёшь в своей голове, Алекс. А я устала быть тенью”. Дверь

хлопнула. Тишина в квартире. Он допил виски той ночью и решил: хватит. Нужно уединение. Новая книга. Новая личность.

Написал абзац. Стер. Ещё один. Стер. Часы на стене – те самые, с маятником – стояли на 12:47. Кукушка в них уже давным давно заржавела и умерла.

Раздался скрип. Половица в углу гостиной. Алекс замер. Снова – теперь ближе. Такие легкие скрипы. Даже нет, тяжелые. Похоже... на шаги? Алекс встал, взял топор. Обошёл комнату. Заглянул в сортир, чулан, кухню. Никого. Только пыль на полу и паутина по углам.

В зеркале мелькнуло его отражение – усталое, с топором в руке. Алекс отвернулся.

На полке у камина – стопка книг. Старые триллеры, сказки, потрепанные детективы. И старый дневник, кожаная обложка с выцветшей надписью “2019 год”. Взял его. Страницы пожелтели, почерк – едва читаемый.

Первая запись: “День 1. Приехал сюда за вдохновением. Хижина старая, но уютная. Хозяин предупредил о духах. Ночью стучали в дверь. Никого.”

Духах? Каких еще духах?

Глаза писателя забежали по комнате.

“Старик ничего не говорил, о каких-то там духах. И чей этот дневник?” – думает Алекс.

Он повертел дневник в руках. Вытер сантиметр пыли с обложки. Посередине надпись: “Собственность Артура Ганмена, великого поэта”

– Артур... Ганнмен?? Впервые слышу, – шепчет Алекс.

Пролистал. “День 4. Вижу зверей. Словно лес хочет смотреть на меня. Ночью что-то ходит под окном” День 7: “Я сильный! Я не сдамся, под натиском нечисти! Ибо бог со мной! Ночью слышу удары и гортанные звуки под полом. Черти приходят и проводят песнопения. Изыди, дьявол!” День 12: “Кажется, скоро моя кончина. Сегодня с моей головы осыпались остатки волос. Кашляю кровью. Кровь с носа не прекращается. Ночью проснулся от того, что в моей комнате запахло гнилью. Открыв глаза я увидел...”

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.